

– правила благоразумия, оберегающие от неразумных поступков («когда мы приложим нашу волю исправить и в порядок привести»);

– правила политические, дающие возможность правильно понимать жизнь общества, его истинное состояние и взаимоотношения между народами. Говорят, что история хорошо учит тому, что ничему не учит. В наше сложное время этот тезис может явиться неким девизом. Падение нравственных и духовных начал в образовавшемся политическом, общественном и бытовом вакууме, который, реализуясь, «всасывает» в пространство все плохое, безнравственное, бездуховное и откровенно преступное, повлекло в обществе, свободном от политических запретов, разнужданное развитие многих негативных качеств личности.

Нашему обществу необходимо понять жесткую необходимость противодействия негативному наступлению на духовно-нравственные принципы, сложившиеся в лучшие исторические периоды нашей истории. И начать стоило бы с представлений, которые возвращены российскими прозорливцами. И не последним из них был Василий Никитич Татищев.

А.В. Сперанский (ИИИА УрО РАН)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ДУХОВНОСТИ

Русская Православная Церковь на протяжении всей своей истории неоднократно переживала вместе со своим народом беды и тяготы войны. Страницы истории российского государства наполнены примерами живого и действенного патриотизма духовенства и верующих. Патриотическая преемственность прослеживается от славных деяний Сергия Радонежского до наших дней. Православное духовенство было идейным вдохновителем национально-освободительной борьбы русского народа против татаро-монгольского ига, поднимало патриотические силы страны на изгнание польских и шведских интервентов в «смутные времена», внесло заметный вклад в разгром армии Наполеона в Отечественной войне 1812 г. В период Крымской войны 1853–1856 гг. Русская Православная Церковь в лице сестер Крестовоздвиженской общины способствовала зарождению движения милосердия, в годы Первой мировой войны осуществляла совместную благотворительную деятельность с Российским обществом Красного Креста.

Великая Отечественная война стала новым этапом в истории русского православия, которое в очередной раз показало свою деятельность, самоотверженность, духовную стойкость, безграничную любовь к Родине и непоколебимую уверенность в победе над ее врагами.

Позиция Православной Церкви была предельно четко и ясно определена ее руководством. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей (Страгородский) в первый же день войны обратился ко всем верующим с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал народ к объединению в борьбе с ненавистными захватчиками и выразил уверенность в окончательной победе. «Православная наша Церковь, – говорилось в «Послании», – всегда разделяла судьбу народа... Не оставит она народа своего и теперь... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу»¹.

Патриотическая позиция церковного руководства нашла полную поддержку во всех православных епархиях, благочинных округах и приходах страны. В храмах повсеместно служились молебны о даровании победы. Ежедневно за богослужением возносилась молитва «О еже подати силу неослабну, непреобориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов...». Среди верующих проводился сбор средств на нужды обороны. Взносы в фонд обороны православных общин к концу 1944 г. составили более 200 млн руб., а к окончанию военных действий достигли 300 млн руб.² Кроме денег, верующие собирали теплые вещи для солдат: валенки, рукавицы, носки, ватники и тому подобное.

Великая Отечественная война явилась новым этапом в развитии церковно-государственных отношений в нашей стране. Первоначально, несмотря на патриотическую позицию, занятую Русской Православной Церковью, отношение к ней со стороны государства изменилось мало. Прекратилась лишь воинствующая антирелигиозная пропаганда, но преследования, выражавшиеся в закрытии культовых учреждений, государственной дискриминации духовенства и верующих, остались. Однако грозная опасность, нависшая над самим существованием нашего государства, необходимость всенародного единения для победы побудили Советское правительство к изменению религиозной политики. Сталинскому режиму стало предельно ясно, что для того, чтобы выстоять в смертельной схватке с грозным врагом, необходимо мобилизовать все внутренние патриотические и антифашистские силы. Православная Церковь должна была привлекаться к этой борьбе, хотя бы потому, что по данным предвоенной переписи почти 50% взрослого населения страны (41,6 млн чел.), несмотря на все гонения против религии, продолжали считать себя православными³.

Принципиальные изменения в церковно-государственных отношениях произошли в феврале 1943 г., когда Сталин в ответ на просьбу митрополита Сергея (Страгородского) разрешил церкви открыть счет в госу-

дарственном банке для сбора пожертвований в фонд обороны. Это решение практически вернуло Русской Православной Церкви статус юридического лица, отнятый у нее еще декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Окончательный же поворот государства лицом к религии произошел после знаменитой встречи Местоблюстителя Патриаршего Престола, Митрополита Московского и Коломенского Сергея (Страгородского) и Председателя Государственного Комитета обороны, Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами СССР И.В. Сталина 4 сентября 1943 г. в Кремле. Уже через 4 дня после беседы в Кремле – 8 сентября 1943 г. состоялся Архиерейский Собор. При участии 19 архиереев, многие из которых были доставлены в Москву прямо из лагерей и ссылок, Местоблюститель Патриаршего Престола, Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) был единодушно выбран Патриархом Русской Православной Церкви. Собор избрал также Священный Синод и вынес постановление, осуждающее коллаборационистов⁴. 19 сентября 1943 г. в кафедральном Богоявленском соборе состоялась интронизация Патриарха. После избрания Патриарха процесс нормализации взаимоотношений между Православной Церковью и Советским правительством получил новый импульс. 14 сентября 1943 г. И. Сталин подписал постановление «Об организации Совета по делам Русской Православной Церкви». Председателем вновь созданного государственного органа был утвержден полковник НКГБ Георгий Григорьевич Карпов⁵.

Создавая Совет, сталинское руководство пыталось декларировать, что он ни в коей мере не будет выполнять руководящих и контролирующих функций по отношению к Русской Православной Церкви. Однако на практике это не соответствовало действительности. Патриарх и Священный Синод фактически не имели возможности самостоятельного решения ни одного крупного вопроса. Созыв Соборов, определение управленческой структуры церкви, утверждение правящих архиереев, назначение епархиальных епископов, направление в приходы священников, открытие храмов, духовных учебных заведений и многие другие вопросы должны были обязательно согласовываться с Советом и утверждаться Правительством⁶.

Однако контроль над духовенством, осуществляемый при помощи Совета, на наш взгляд, нельзя рассматривать только с отрицательной стороны. Нередко государственное регулирование религиозной сферы давало позитивный эффект. Тот же Совет защищал верующих и священнослужителей от незаконных действий местных властей, выступал с инициативами перед Правительством о расширении прав церкви, предоставлении ей тех или иных льгот. С участием Совета были подготовлены и приняты многие правительственные документы, оказавшие положительное влия-

ние на процесс укрепления позиций Русской Православной Церкви в обществе и нормализации государственно–церковных отношений.

Огромное значение в церковной жизни приобрело подготовленное Советом по делам Русской Православной Церкви и утвержденное Правительством 28 ноября 1943 г. постановление «О порядке открытия церквей». Документ устанавливал достаточно сложную процедуру, в результате соблюдения которой впервые после антирелигиозной кампании конца 20–30-х гг. у верующих появилась возможность восстановить деятельность некогда закрытого культового учреждения⁷.

Отметим, что все шаги, направленные государством в этот период на встречу церкви, не носили случайного характера, а являлись одобрением той патриотической позиции, которую она заняла в сложных условиях военного времени. Все мероприятия, осуществленные властью в суровые для страны годы в целях укрепления цивилизованных контактов с Русской Православной Церковью, являлись выражением позитивных изменений в ее религиозной политике⁸. Амнистия многих церковных деятелей, репрессированных в 30-е гг., открытие культовых учреждений и духовных учебных заведений, разрешение издательской деятельности позволили к концу Великой Отечественной войны значительно улучшить положение Православия в нашей стране, что наглядно иллюстрируют приводимые ниже статистические данные:

**Количественные показатели развития
Русской Православной Церкви за 1941–1945 гг.⁹**

Показатели	1941 год	1945 год
Количество епархий	31	58
Численность архиереев	25	61
Численность священников	6376	9254
Количество церквей	4500	10547
Количество духовных учебных заведений	0	3
Количество церковных периодических изданий	0	1

Анализ приведенных в таблице цифр показывает, что новая религиозная политика большевистского государства дала возможность Русской Православной Церкви за годы войны обеспечить почти 100 %-ный рост практически по всем основным показателям своего развития.

Невысокий по сравнению с другими показателями процент количественного роста священнослужителей среднего и низшего звена, на наш взгляд, объясняется значительными потерями в их составе, вызванными довоенными репрессиями. Быстро восстановить утрату не представлялось воз-

можным из-за недостаточного количества духовных учебных заведений, начавших свою деятельность только со второй половины Великой Отечественной войны, и довольно длительного срока обучения в них. Отметим также, что в сравнении с дореволюционным периодом количество православных храмов и священнослужителей к концу войны не выглядит столь внушительно и составляет соответственно лишь 13 и 14 % от уровня 1916 г.¹⁰ Это еще раз подтверждает то, что большевики даже в рамках «Нового курса» не отказывались от целенаправленной политики по «сдерживанию религиозных чувств».

Примечания

1. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 17; Русская Православная Церковь. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 4; Kolarz W. Religion in the Soviet Union. London, 1961. P. 59.
2. Журнал Московской Патриархии. 1944. № 11. С. 11; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 7. Л. 29.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М. 1991. С. 106–115.
4. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. М., 1994. С. 121, 122, 124.
5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
6. Там же. Д. 2. Л. 55.
7. Там же. Д. 1. Л. 26, 27.
8. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 50, 53; Цыпин В. История Русской Православной Церкви. С. 138–140; Fletcher W. A study in Survival (The Church in Russia 1927–1943). London, 1965. P. 98.
9. Таблица составлена автором по архивным и опубликованным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 18, 37; Д. 4. Л. 1, 1 об, 2, 2 об, 3, 5, 6, 24, 28; Д. 32. Л. 4, 4 об. 5; Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 42; Цыпин В. История Русской Православной Церкви. С. 108.
10. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 24; Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. С. 18.